

СУДЫ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В Государственной Думе на рассмотрении находится законопроект, посвященный созданию апелляционной инстанции в судах общей юрисдикции. А чего, по Вашему мнению, не хватает этим судам?

Михаил Барцевский,

полномочный представитель
Правительства РФ
в Конституционном Суде РФ,
Верховном Суде РФ
и Высшем Арбитражном Суде РФ:

— Законопроект поддерживаю, а судам общей юрисдикции не хватает очень многого.

Виктор Жуйков,

заместитель директора Института
законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
РФ, заслуженный юрист РФ:

— Не хватает, во-первых, реальной независимости, невмешательства в деятельность суда. Необходимо, чтобы люди нормально и спокойно работали. Во-вторых, условия труда обеспечены недостаточно, необходимы помещения, достойные зарплаты. В-третьих, нужна четкая процедура, то, что предлагается сейчас, — это просто переименование, смена вывески. В-четвертых, изменения должны коснуться устройства судебной системы: нужно вводить окружные суды и делать четырехзвенную судебную систему.

Елена Борисова,

профессор кафедры гражданского
процесса юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук:

— Не судам, а судьям. Не хватает принципиальности, независимости, морально-этических качеств, а зачастую образования.

Генри Резник,

адвокат:

— По уголовным делам не хватает беспристрастности, по гражданским делам превышена нагрузка, в результате чего процесс превращается в конвейер.

Владимир Плигин,

председатель Комитета Государственной Думы РФ по конституционному законодательству и государственному строительству:

— Необходимо изучение вопроса оптимизации загрузки судов. На сегодняшний день численность судей в принципе обеспечивает доступ к правосудию. Нагрузку можно было бы уменьшить, исключив из судебной подведомственности ряд дел и введя процедуру медиации.

Владимир Радченко,

первый заместитель Председателя Верховного Суда РФ в отставке:

— Если действительно хотим вводить кассационную инстанцию, то нужно ее организационно отделить от апелляции.

Юлий Тай,

управляющий партнер адвокатского бюро «Бартолиус», кандидат юридических наук:

— Начать разговор об имеющихся недостатках правового регулирования производства в суде апелляционной инстанции и практических проблемах, связанных с указанным производством, необходимо с рассмотрения вопроса о том, как должно происходить реформирование законодательства вообще и процессуального в частности.

Вообще крайне удручает сложившаяся в России тенденция латать недостатки законодательного процесса как тришкин кафтан. Сравнительный анализ изменений в текст Налогового (37 существенных изменений только в часть первую!) и Гражданского кодексов являются ярким и убедительным примером того, что кодификации такого уровня должны осуществляться системно, последовательно, с широким научным обсуждением и привлечением лучших цивилистов, причем как теоретиков, так и практиков, как это сейчас, например, происходит с кропотливой и поэтапной выработкой изменений в Гражданский кодекс РФ. Концепция развития гражданского законодательства подготовлена на основании Указа Президента РФ от 18.07.2008 № 1108, в ее подготовке задействованы лучшие специалисты в области гражданского права, предложения по изменению широко обсуждаются в научной литературе, а этапы ее исполнения контролируются Президентом России. Только такая

работа может быть эффективной, плодотворной и принести плоды в форме такого кодекса, который еще двадцать лет можно будет не пересматривать.

Поэтому глобальные изменения в процессуальное законодательство должны вноситься с огромной осторожностью и под девизом врачей — «не навреди».

На сегодняшний день нормы, определяющие инстанционную систему судов общей юрисдикции, не отличаются четкостью и определенностью, что влечет за собой, с одной стороны, снижение эффективности работы всей системы судов общей юрисдикции, а с другой — нарушение прав и свобод граждан и организаций.

В законопроекте предлагается закрепить единый регламент проверочной деятельности судов второй инстанции. В интересах унификации и гармонизации гражданского процессуального законодательства Российской Федерации в законопроекте предлагается реализовать идею о закреплении апелляционного по наименованию и содержанию производства в суде второй инстанции, установить общие правила реализации права на апелляционное обжалование судебных постановлений, принятых мировыми судьями и федеральными судами общей юрисдикции по первой инстанции. Единый порядок обжалования не вступивших в законную силу судебных постановлений позволит в полной мере обеспечить единство судебной практики.

Рассмотрение апелляционных жалоб (представлений) едиными судами апелляционной инстанции, которыми согласно законопроекту должны стать верховные суды республик, краевые, областные суды, суды городов федерального значения, суды автономных областей и суды автономных округов.

В связи с вышесказанным первым недостатком регулирования является значительное и ничем не объяснимое отличие порядка апелляционного обжалования в судах общей юрисдикции и арбитражных судах. В этой связи необходимо провести глобальный процесс гармонизации двух явно близких ветвей судопроизводства, отказавшись везде, где это возможно и отсутствует объективно существующая специфика, от различий в правовом регулировании, в том числе в терминологии. При этом критически должен быть изучен имеющийся опыт применения действующих кодексов и из каждого из них должны быть заимствованы только лучшие примеры нормативного регулирования, на практике подтвердившие удобство и жизнеспособность.

Вторым глобальным недостатком апелляционного порядка обжалования судебных актов является тот факт, что ни законодатель, ни суды всех инстанций так и не нашли ответа на вопрос о роли и месте апелляционной инстанции. Как известно, существует два противоположных мнения, а также десяток компромиссных (паллиативных). Представители первой концепции полагают, что суд апелляционной инстанции по сути является судом, который выполняет «работу над ошибками» суда первой инстанции, следовательно, он является «второй первой инстанцией» и круг его полномочий в вопросе пределов пересмотра, а также исследования новых доказательств, проведения экспертиз, вызова свидетелей и т.д. практически неограничен, точнее, ограничен каучуково-усмотрительными нормами типа «в случае необходимости...»,

«в интересах законности...», «суд признает причины уважительными...» и т.д. и т.п. Политико-правовым катализатором подобных настроений является весьма популярный, особенно в последнее время, патерналистский подход к судьям первой инстанции, которые по разным причинам объективного и субъективного характера «конечно же не могут выносить законные и обоснованные решения, поэтому кто-то же должен их поправить, научить, наставить на путь истинный», «откуда же взять 25 тысяч профессиональных и добросовестных судей?» и тому подобные рассуждения.

Апологеты другой концепции исходят из примата принципов диспозитивности, равноправия и состязательности, а также господства формальной (юридической) истины в гражданском процессе. Они полагают, что основной инстанцией по исследованию доказательств и их оценки является суд первой инстанции, а апелляционная инстанция должна быть наделена возможностью в весьма ограниченных и перечисленных в законе закрытым перечнем случаях брать на себя функции суда первой инстанции. Но практика развития арбитражного процесса уже наглядно продемонстрировала, что даже в случае, когда приверженцы второй концепции добиваются определенных успехов в нормативном регулировании, судебная практика все равно возвращает все в исходное положение. Так, ст. 268 АПК РФ 2002 г. ввела новаторское и четкое указание на то, что дополнительные доказательства принимаются арбитражным судом апелляционной инстанции, если лицо, участвующее в деле, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными. Более того, Президиум ВАС РФ в постановлениях по пересмотру дел в порядке надзора придерживался буквального толкования данной нормы (постановления от 16.01.2007 № 11986/06 и от 20.01.2009 № 9392/08).

Однако в результате долгих обсуждений и ползущей контрреформы в правоприменительной практике в Постановлении Пленума ВАС РФ от 28.05.2009 № 36 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» появилась следующая формулировка: «Принятие дополнительных доказательств судом апелляционной инстанции не может служить основанием для отмены постановления суда апелляционной инстанции; в то же время принятие судом апелляционной инстанции новых доказательств при наличии к тому оснований, предусмотренных в части 2 статьи 268 Кодекса, может в силу части 3 статьи 288 Кодекса являться основанием для отмены постановления суда апелляционной инстанции». Я думаю, не требует дальнейшего объяснения то, как теперь применяется в арбитражных апелляционных судах ст. 268 АПК РФ. Таким образом, проза жизни в очередной раз победила мечту.

Данный пример приведен мной, исключительно чтобы обратить внимание на то, что изменение только нормативного регулирования не дает ощутимого результата и точно не является эволюционной спиралью, а превращается в топтание на месте, где движение — все, а результат — ничто. В любом случае юридическому сообществу необходимо сделать выбор в пользу одной концепции и далее последовательно и негибко придерживаться ее постулатов, как в регулировании, так и в практическом применении.

Для коренного реформирования процесса пересмотра в суде апелляционной инстанции должен измениться подход судей проверяющих инстанций к своей работе, своим полномочиям и даже, простите за высокопарность, своей роли в построении правового государства. Судьи апелляционной, да и иных проверочных инстанций должны понимать, что они — не учителя, не «судьи над судьями», не шестеренки в механизме правосудия, не очередной круг Дантового ада для лиц, защищающих свои права, а уполномоченные государством и наделенные огромными полномочиями лица, которые слушают и слышат доводы сторон, обращающихся с жалобами и оппонировавшими им, и на основе всестороннего, полного, непосредственного, беспристрастного исследования всех имеющихся в деле доказательств, руководствуясь действующим законодательством, вершат правосудие.

Разумеется, мы отдаем себе отчет, что сказанное выше выглядит романтическим и сильно напоминает призыв к всеобщему благоденствию, но иного пути не существует. Конечно, для реализации указанного плана на первом этапе потребуются, во-первых, разгрузить судей от того неподъемного количества дел, которое поступает в настоящее время; во-вторых, обеспечить судей техническим персоналом и квалифицированными помощниками, которые возьмут на себя много рутинной и не требующей высокой судейской квалификации работы; в-третьих, судебная система должна отказаться от узкоцехового способа набора новых судей и пополниться лучшими представителями юридической профессии (от преподавателей юридических вузов до нотариусов); и наконец, необходимо ввести выборность (кооптацию) руководителей судов и руководителей коллегий и составов самими судьями из своих рядов.

Леонид Головкин,

профессор кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук.

— Судам общей юрисдикции, как и всей российской судебной системе, не хватает институциональной логики. Достаточно сказать, что само понятие «суды общей юрисдикции» в России не вполне понятно. В теоретическом аспекте оно имеет смысл только в рамках дихотомии «суды общей юрисдикции — специализированные суды». Однако в современном российском судостроении сложилась парадоксальная ситуация, когда суды общей юрисдикции есть, а специализированных судов — нет. По крайней мере, все наши суды со специальной компетенцией (арбитражные, военные) официально признают себя «специализированными» отказываются, видимо, считая это наименование для себя не совсем престижным. Но каков тогда статус этих неопознанных объектов российского судостроения? И как можно понять компетенцию, место и роль в судебной системе «судов общей юрисдикции», если наряду с ними действуют некие «неспециализированные» суды «почти общей юрисдикции»?

Основная проблема в том, что все наше судостроение представляет собой достаточно беспорядочный набор обломков дореволюционных пореформенных судебных конструкций, различных институциональных наслоений советского периода и не до конца продуманных «компромиссных» постсоветских нововведений. Достаточно сказать, что только у нас могут сосуществовать советский надзор, классическая апелляция и «гибридная» неклассическая кассация. Только у нас решение может вступать в законную силу, приводясь к

Алексей Попов,

партнер КАМО
«Юридическая фирма „ЮСТ“»:

исполнению, а затем еще подлежать обжалованию в ординарном порядке в кассационной инстанции (арбитражные суды). Только у нас высшие судебные органы выступают в качестве судов первой (Верховный Суд и ВАС) или апелляционной (Верховный суд по проекту закона) инстанций. Только у нас дело по иску члена семьи действующего мэра к оппозиционному политику (Батуриной к Немцову) по поводу издания последним сугубо политического памфлета считается «экономическим» (о чем свидетельствует его рассмотрение арбитражным судом), а дела по искам прокуроров о закрытии промышленных предприятий в связи с нарушениями экологического законодательства считаются «неэкономическими» (о чем свидетельствует их рассмотрение судами общей юрисдикции). Все это напоминает какие-то хаотично выросшие «процессуальные трущобы», применительно к которым нельзя говорить ни о системном градостроительном плане, ни о мало-мальски компетентном архитекторе.

Боюсь, что в результате принятия нового закона «процессуальные трущобы» только разрастутся. Законодатель пытается поставить пару новых подпорок к изрядно перекошенному зданию отечественной судебной системы. Новые подпорки — вещь, конечно, сама по себе неплохая, но при такой методике судебного строительства вопрос «чего не хватает российским судам?» будет возникать еще много десятилетий.

— Очевидно, что у судов, рассматривающих уголовные и гражданские дела, разные заботы. Но, безусловно, есть и одна общая: им в первую очередь не хватает смелости. Смелости осуществлять правосудие по своему, а не по чужому внутреннему убеждению.

Судам не хватает ощущения, что граждане суду действительно доверяют: реальный уровень доверия нельзя исчислить количеством рассмотренных судами споров, а рост доверия к судам нельзя обосновывать ссылкой на ежегодный рост числа обращений граждан в суды.

Судьи, рассматривающие уголовные дела, испытывают очевидный дефицит «милости к падшим»: если речь идет не о сотруднике, например, МВД, то подсудимому не стоит рассчитывать на мягкость наказания; исключительная мера — арест — давно утратила свой исключительный характер.

Подавляющее число судей — эксперты в области права очень высокого уровня, но им явно не хватает собственного «стиля»: при рассмотрении фактически любого дела установленные факты суд пытается поместить в рамки того или иного шаблона, который был ранее разработан каким-либо вышестоящим судом.

Я уверен, что в глубине души каждый судья хотел бы более творчески подходить к рассмотрению каждого дела, но... всем без исключения судьям катастрофически не хватает времени. Лично я не хотел бы оказаться на месте человека, которому нужно разрешить несколько споров в день, а потом мотивировать принятый судебный акт таким образом, чтобы, во-первых, люди, по меткому выражению председателя Мосгорсуда Ольги Егоровой, «полюбо-

вались, что вы там понаписали» и не застыдили за написанное, а во-вторых, чтобы принятое решение «устояло» в процессе его обжалования. Понятно, что из-за нехватки времени проще скопировать, например, обвинительное заключение. В конечном итоге такое положение вещей приводит к тому, что оправдательный приговор до сих пор (с советских времен) является ЧП в любом суде.

Часто говорят о зависимости судей от исполнительной власти. Мне же кажется, что судьям не хватает независимости от собственных коллег. Просьбу, мнение, указание, etc. внешнего чиновника судья еще может пропустить мимо ушей. Гораздо труднее проигнорировать мнение своего коллеги из того же суда, ранее уже занявшего определенную (хотя, может, и неправильную) позицию по схожему спору, а руководство судебной системы давно наметило курс на обеспечение единообразия практики. Мнение же вышестоящего коллеги-судьи вообще не принято игнорировать. Но иногда это случается. Поэтому я уверен — у нас все будет хорошо!

Дмитрий Малешин,

заместитель декана
юридического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова, доцент
кафедры гражданского процесса,
кандидат юридических наук:

— Предлагаемые преобразования лишь усложнят и так громоздкую систему пересмотра судебных решений. На мой взгляд, нужно добиваться того, чтобы выносились правильные и справедливые решения в суде первой инстанции, а не совершенствовать их пересмотр, бесконечно усложняя процедуру. Данный проект лишь усугубит и так непростую ситуацию в первой инстанции, превращая судебное разбирательство там лишь в один из этапов, далеко не окончательный и не имеющий принципиального значения для разрешения спора. А в целом должен быть единый порядок пересмотра не вступивших в законную силу решений: либо кассация, либо апелляция. Двойственности не должно быть!

Александр Муранов,

адвокат, управляющий партнер
коллекции адвокатов «Муранов,
Черняков и партнеры»:

— Кроме апелляции, им не хватает много чего. Изменения «штампоподхода» к делам со стороны кассации и надзора. Упрощения системы надзора при одновременном повышении его эффективности. Прозрачности в деятельности судов. Новых информационных технологий. Большого взаимодействия Верховного Суда с ВАС РФ. Распространения среди судей знаний о регулировании отношений с иностранным элементом. Большой независимости от исполнительной власти. Разрушения кастовости судейского корпуса. Ответственности перед обществом и признания того, что их деятельность носит в отношении общества и экономики «сервисный» характер. Усиления конкуренции в хорошем смысле этого слова между судьями и между судами как внутри системы судов общей юрисдикции, так и вовне. Мужества поставить перед иными ветвями крайне важный вопрос о том, что правосудие дешевым не бывает и что нельзя требовать от судей одновременно решения трех противоположных задач: рассматривать дела быстро, качественно и дешево для государства или сторон, — одна из таких задач всегда будет не подлежащей решению в условиях, когда решаются две другие.